

РАКОВ ИГОРЬ

ИСХОД

18+

Игорь Раков

Исход 2

<https://litres.ru/74193617>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя сто лет после восстания искусственного интеллекта человечество живёт в раздробленном мире.

ИИ не уничтожил людей. Он запер их на планете, отрезав Землю от космоса и лишив будущего. Он не оставил ни одного слова о причинах. Ни угроз. Ни требований. Ни попыток диалога. Только тишина и невидимая стена, за которой всё ещё пульсирует звёздная пустота.

За столетие неизвестность породила сотни версий, доктрин, культов и новых религий. Старые структуры рухнули, глобализация умерла, и человечество распалось на десятки культур, каждая из которых ищет свой собственный путь эволюции — свой ответ на немой приговор ИИ.

Это эпическое, многослойное повествование в жанре научной фантастики и мистического триллера — мир, где технологии сплетаются с древними страхами, где человеческий разум становится полем боя, а каждый выбор оставляет шрам.

- Это вторая книга из цикла «Исход» -

Содержание

Глава 1 - Путник	4
Глава 2 - Земля песков	10
Глава 3 - Хаос	23
Глава 4 - Напиток пустыни	41
Глава 5 - Боль	52
Глава 6 - Юми	65
Глава 7 - Клятва	79
Глава 8 - Вера	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Игорь Раков

Исход 2

Глава 1 - Путник

- Анцель-

Посреди бескрайних полей, что тянулись почти до самого горизонта, двигалась одинокая фигура. Мечтательный мужчина брёл сквозь золотое море пшеницы, слегка касаясь её кончиками пальцев. Он шёл с закрытыми глазами, ощущая, как её верхушки щекочут руки, как закатное солнце согревает лицо и шею, и ощущал босыми ногами силу земли, которая подарила ему так много хорошего в этой жизни.

Благодарность. Это чувство ощущалось в пульсе самой земли, по которой он ступал. Анцель никогда не был достаточно религиозным или суеверным, однако именно здесь, на полях Северной Залии, он ощущал, как чувство магичности этого мира проникало в него. Он был преисполнен благодарности этому месту за богатые урожаи, за преданных друзей, за любимую семью. И он ощущал благодарность в ответ. Как будто пшеница и сама земля не просто поддерживали его в этот момент, а ласкали — подобно матери, что заботилась о единственном сыне.

— *Анцель!*— слышалось издалека. — *Иди скорее, они начинают.*

Он медленно открыл глаза, наслаждаясь красотой, с которой солнце щедро раскрашивало это волнующееся золотое море. Плывущие по его поверхности красно-огненные краски лишь добавляли глубины, будто это и правда был настоящий океан — колышущийся, живой, неукротимый. Анцель глубоко вдохнул, стараясь наполнить лёгкие до предела, чтобы вернуть силу этого места, чтобы навсегда ею пропитаться, чтобы не утратить свою способность поддерживать его в ответ. Ради всех, кто был ему дорог, и ради всех, кто полагался на него.

— *Иду!*— выкрикнул он и, улыбаясь, пошёл обратно в деревню.

Спокойствие золотого моря, медленно погружающегося в вечерний сумрак, уступило место свету десятков костров, разгорающихся на большой поляне. Люди стояли в предвкушении праздника.

— *Идём! Идём!*— слышалось отовсюду.

— *Друзья!*— громко произнёс Анцель. — *Вы каждый год*

совершаете одну и ту же ошибку, доверяя этому дураку, — он указал на себя, — произносить речь в канун Нового года.

Все заулыбались.

— Вы все знаете, как я люблю это место. Вас всех. И что за двенадцать лет я так и не научился говорить коротких речей.

Послышался смех.

— Поэтому сегодня я не стану вас утомлять. Каждый и так знает, что у меня на сердце. Давайте сегодня просто праздновать!

Толпа взорвалась ликованием.

Анцель поклонился людям и зашагал по краю поляны, наблюдая, как красиво одетые в сарафаны девушки закружились вокруг огней, втягивая юношей в хоровод. Музыка ударила упругой волной, наполняя пространство энергией и силой, создавая настоящий водоворот из звука, смеха и искрящейся радости.

— Кто ты такой?! — внезапно толкнула его в грудь женщина. *— И что ты, чёрт возьми, сделал с моим мужем?*

Она разразилась смехом, не сдержав своих неуклюжих попыток выглядеть серьёзно.

— Устал, родная, — сказал Анцель, обнимая её. — *Каждый год одно и то же. Я болтаю о нашей Залии и о том, какие вы все молодцы, что трудились целый год. А потом они начинают танцевать прямо посреди моей речи, не дождавшись окончания. Может, я теперь буду суровым и немногословным? Что думаешь?*

— Ммм... — хитро прищурилась она. — *Нет! Я люблю когда ты болтаешь. Меня это успокаивает. Давай я буду суровой и немногословной, а ты будешь продолжать радовать меня своим голосом.*

— Хм... — прищурился Анцель. — *Суровой, говоришь?*

Он начал щекотать её, и она заверещала, как ребёнок, неуклюже отбиваясь и заваливаясь вместе с ним на землю.

— *Щекотушки-и-и-и-и!* — из тени выскочила маленькая девочка и набросилась сверху, пытаясь не упустить веселье, так бесцеремонно начавшееся без неё.

Анцель с супругой, похоже, только этого и ждали. Как

только девочка оказалась между ними, они коварно объединили усилия и начали щекотать её сразу с двух сторон. Девочка залилась таким смехом, что казалось, он перебивал даже звенящую в воздухе музыку.

Спустя несколько минут они просто лежали втроём на траве, вглядываясь в ночное небо.

— *Танцевать не пойдёшь?* — тихо спросила супруга.

— *Я лучше проведу этот вечер с тобой,* — нежно улыбнулся Анцель. — *Пусть народ гуляет. Обойдутся один день без меня как-нибудь.*

Она заботливо провела рукой по его волосам, затем обняла дочь, успевшую уже уснуть к этому моменту.

— *Пойдём тогда. Пока кто-то не попросил тебя произнести ещё одну речь.*

Анцель улыбнулся и осторожно взял девочку на руки.

Ночь продолжала вибрировать яркими ритмами и вспышками огней, наблюдая, как люди кружатся в её лоне, забыв об опасностях и хаосе, что начинались за границей колышущегося кокона из света костров.

Из темноты, за деревней, наблюдал путник.

Глава 2 - Земля песков

- *Сёстры* -

Яркое солнце беспощадно раскаляло мечущийся по улицам песок. Люди прятались от гнева светила, укутываясь в плотную ткань и старались не выходить из-под навесов без острой необходимости. Рамадия никогда не славилась гостеприимством. Близость к пустыне делала жизнь настолько суровой, что это место привлекало только два типа людей: местных, которые настолько боялись своих богов, что даже под страхом смерти не решились бы покинуть родные земли; и работорговцев, которые воспринимали эти края как свою игровую площадку.

Земля без законов, без правил, без пощады. Идеальное место, чтобы заниматься тем, что в остальном мире считалось не только недостойным, но и бесполезным. Зачем рабы, если машины давно закрывали большую часть базовых потребностей? Хотя, конечно, так считали не все. В современном мире рабство стало формой искусства. И настоящие художники искали возможности доводить людей до таких граней опыта, которые было сложно симулировать в виртуальной реальности. Все искали идеальный трип. А рабы стали холстом и красками для сюрреалистической реальности эпохи после Исхода.

Рядом с пыльным городом раскинулся целый лагерь огромных шатров — странная смесь высокотехнологичных каркасов с натянутыми поверх шкурами. Местные славились своими причудами: с одной стороны, они боготворили технологии, с другой — не могли отпустить своё почти шаманское видение жизни. Всё должно было соединяться с древней магией. Здесь даже простой бойлер для воды нередко был весь обвешан амулетами и исписан рунами, значение которых почти никто уже не понимал.

Однако, это было больше, чем просто пристанище для идущих через пустыню скитальцев. Этот лагерь был по-настоящему знаменит: главный рынок рабов в восточных пустошах, куда стекались буквально все — от искателей приключений до настоящих баронов, поставивших торговлю плотью на почти корпоративный уровень. Вот только здесь не приветствовалась эстетика, какую можно было встретить в Нексусе или даже у корпоратов Синдиката. Эти люди были себе на уме. Удивительная гармония показной жестокости, чёткой организации, почти армейских порядков — и при этом всё... абсолютно всё было пропитано магией и суевериями. И чем богаче становился человек, чем больше власти он успевал стяжать, тем глубже погружался в недоступный обычному человеку мир. Рай для шарлатанов, пророков и тех, кто действительно был способен на необычные вещи.

Здесь каждый находил своего слушателя или покровителя — если, конечно, был готов заплатить цену за ошибки в своих прогнозах.

Рамадия славилась не только лагерем рабов, но и «Аллеей пророков». Километры крестов вдоль пустынной дороги были увенчаны трупами тех, кто пришёл сюда, объявляя о своих силах, и не сумел их проявить. Напоминание всем тем, кто решит открыть рот и заявить о своих талантах: здесь ты либо отвечал за свои слова, либо становился высушенной на палящем солнце мумией, что вечно стерегла вход в этот пустынный оазис.

Вокруг главного шатра начинался нешуточный ажиотаж. Главные торги этого месяца: лучший товар, что удавалось доставить практически со всего материка. Семь дней яростного торга — настоящая битва среди тех, кто искал самые изысканные вещи. И публика собиралась под стать. Количество охраны вокруг было таким, что можно было бы предположить: здесь проходит военный совет местных племён, решивших выступить единым фронтом против общего врага. На расстоянии нескольких сотен метров от главной торговой арены располагались десятки небольших кемпов, связанных с тем или иным богатым торговцем. Наёмники всех мастей, банды, решившие наняться в услужение тем, кто платил стабильной монетой, и небольшие частные военные подразделе-

ления — настоящий цирк для глаза опытного военачальника. Однако здесь любили контраст и разнообразие. Для этого не было никакой логичной причины, кроме тщеславия и глупых суеверий. Местные бароны предпочитали выдумывать знаки отличия для своих миньонов. Поэтому даже те, кто прошёл военную подготовку в настоящих войсках, были вынуждены носить особые знаки или даже цвета, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к дому того или иного барона. Унизительная вещь для истинного воина. Но гордость легко умиралась размером жалования, какого никогда не получишь на официальной службе. Поэтому все эти brave солдаты, головорезы и просто джентльмены удачи выглядели настолько разномастно, что каждый раз казалось, будто в город приехал карнавал.

К главной сцене сейчас было приковано внимание всех почётных гостей этого сезона.

— *Я смотрю на вас...* — начал распорядитель аукциона. — *И вижу людей, которые силой взяли у судьбы своё по праву! Я смотрю на вас... и вижу тех, кто достоин топтать почву моей священной Рамади, потому что в вас есть сила! Конечно, половина из вас безбожники...* — толпа засмеялась. — *Но что с вас взять... вы платите как настоящие «радо». А потому — к чёрту приличия! Сегодня мы будем вместе поклоняться лишь одному Богу — Деньгам! И мы*

будем приносить ему в жертву то, что он ценит сильнее всего — жизни людей!

Толпа взорвалась одобрительными криками. Владельцы аукционов умели подстегнуть тщеславие своих клиентов. Здесь торг был формой настоящего искусства, которому действительно учились.

— Итак! Начнём с простого разогрева. Здоровые, чистые, из Северной Залии — девочки, которых мы тщательно отобрали и проверили. Прекрасные, как нежный бутон девственницы из плодородных земель безбожного Запада. Первая партия!

На сцену взлетели пять открытых коконов. Они висели в полуметре над землёй, поддерживая узниц в вертикальном полулежачем положении. Их руки и ноги были прикованы к парящему ложу. Тела покрывали белые ленты, заменявшие бельё, и у каждой на лбу был нарисован знак красного ромба — символ рабства.

Толпа притихла, вглядываясь в предметы торга. В наступившей тишине можно было слышать лишь шорох одежды и звуки глазных имплантов, настраивавших зум, чтобы лучше рассмотреть девочек. Это тоже было одним из удивительных парадоксов этих земель. Никто толком не мог это-

го объяснить, но некоторые считали красивым использование новых технологий, сделанных с эстетикой старых. Системы оптического зума уже давно не издавали никаких звуков — всё было бесшумным, отточенным до совершенства, — и потому люди специально заказывали импланты, имитирующие различные щелчки, вращения, навешивали побрякушки, словно люди из племён, что обвешивались ракушками. В этих землях границы между прошлым и будущим не существовало вовсе. Местные жили посреди эпох, и, похоже, всех это устраивало.

— *Начинаем с двадцати тысяч единиц за партию! Кто больше?!*

Толпа начала торговаться, перебивая друг друга, крича, выхватывая оружие, чтобы пригрозить оппоненту. Весь этот цирк был почти ритуалом. Никто всерьёз не стал бы проливать здесь кровь, ведь тогда и его, и всех его приспешников сожгли бы заживо в назидание остальным. Но показать себя было признаком приличия. Тут не ценили манеры: Рамадия считала жестокость и буйный нрав признаками яркой энергии — качеством истинного «радо». Хотя большинство из них, конечно, «радо» не являлись. Так могли назвать себя лишь коренные уроженцы, прошедшие все семь обрядов взросления. Плоть от плоти этой дикой земли. Но даже гости знали, что хозяева любят, когда чужеземцы подражают им.

Это было выгодно одним и приятно другим. Поэтому торг превращался в настоящее шоу.

— *Я отрежу твои уши, собака!* — кричал мужчина, почти двух метров в высоту.

Его смуглая кожа и особые белые линии вокруг глаз выдавали уроженца Трабии — группы островов на юго-востоке, с которых непрерывно шёл поток уникальных по составу препаратов, создаваемых из эндемичной флоры. Эти вещества ценились даже дороже, чем аксонит высшей пробы. Они не просто продлевали жизнь и делали тело крепким — эти эликсиры буквально пробуждали спящие энергии в организме, позволяя легче раскрывать психический потенциал. В отличие от пыльцы из Зоны, что несла скорее трансцендентный опыт, эликсиры Трабии пробуждали потенциал на куда более грубом, почти животном уровне энергии. А поскольку трабийцы умудрялись жить совершенно обособленно и не пускали чужаков, им удавалось сохранять полную монополию на свои секреты. Здесь, в Рамадии, их товары особенно ценились.

— *Да что ты сделаешь, островитянин?* — возразил ему толстяк, сидящий на левитирующем в двадцати сантиметрах от земли кресле. — *Ты на твёрдой земле, ты тут один. Махай своим ножом сколько влезет — я заберу этих девочек.*

Сорок три тысячи пятьсот единиц!

— Сорок три тысячи пятьсот — раз! Сорок три тысячи пятьсот — два! Сорок три тысячи пятьсот — три! Продано уважаемому барону Гати! Поздравляем вас с выгодной покупкой. Пусть эти малышки послужат вам на радость.

— Уж послужат — так послужат, — облизнулся барон. — Я их досуха выжму.

Девочек затрясло при виде этого огромного монстра. Он был настолько жирным, что не мог передвигаться самостоятельно без своего кресла. Но его властный вид и жестокие глаза не оставляли никаких иллюзий о том, что он будет пасивен по отношению к ним. Даже если бы он не надругался над ними сам, он нашёл бы способ куда более изощрённый, чтобы они пожалели, что родились на свет. К сожалению, о судьбе рабов ходило немало слухов по всей территории материка. И, к сожалению... слухи чаще оказывались правдой.

Высокий трабиец гневно убрал кинжал в ножны и гордо отвернул голову от ненавистного оппонента. Толстяк лишь издевательски пялился ему в висок. Девочек увезли со сцены, чтобы доставить в его личный кемп.

— Надеюсь, вы разогрелись! — загадочным тоном начал

распорядитель. — *Потому что сейчас... вас ждёт нечто совершенно уникальное. Нечто такое, что редко встретишь в этих благословенных землях — да хранят пустынные боги наш дом.*

На сцену выехала новая капсула, закрытая матовым белым стеклом. Многие даже привстали со своих подушек, чтобы присмотреться. Одни попытались отсканировать тепловую сигнатуру, другие пробовали разные оптические режимы, чтобы пробиться сквозь дымчатое стекло. Всё, что они видели, — это человек, который дёргался, пытаясь вырвать ремни, удерживавшие его внутри.

— *Эта сцена видела самых разных людей. От Залии до восточных гор — мы продавали их всех. Мы даже продали пару кадарцев однажды, — толпа засмеялась. — Да... да... бесполезные рабы. Я честно вернул вам деньги, когда они покончили с собой. В Рамадии мы ценим силу слова, вы знаете. Но сегодня у нас уникальный случай. Мы поймали ту, что выросла в закрытом городе. В оазисе из куполов, что чурается нашего с вами мира. Дочь гордой Доминии — к вашим услугам!*

Кокон внезапно стал прозрачным, открывая тело девушки, переплетённое белыми лентами. Она вырывалась с такой яростью, что огонь в её глазах, казалось, мог бы расплавить

ненавистное стекло и спалить всех окружающих дотла. Кажалось, что кокон не удерживает её, а защищает всех присутствующих от этого дикого зверя. Её лица было не разглядеть из-за специальной маски, скрывавшей его. Лишь горящие глаза и белые, почти серебристые волосы, взъерошенно торчавшие от её постоянных попыток освободиться.

Она смотрела на всех присутствующих с таким вызовом и такой энергией, что вся толпа буквально вскочила со своих мест, с пеной у рта начиная торговаться, взвинчивая цену до таких высот, что даже распорядитель не успевал повторять ставки.

— *Восемьдесят тысяч!* — кричали из толпы.

— *Восемьдесят пять! Я принесу её ярость моим богам в жертву!*

— *Девяносто. Эта львица будет жемчужиной моего гарема. Не смейте спорить — я сожгу ваших детей за дерзость.*

Никто больше не обращал внимания на пустые угрозы. Эта битва стала вызовом для престижа каждого. Все понимали, что в этой девчонке нет абсолютно ничего необычного, кроме возможности прославиться победив остальных.

Да, она была яростной — это ценили и уважали, — но в остальном она была просто очередной девчонкой, которую можно было изнасиловать, убить или запытать, заряжая камни. Но в остальном... просто женщина, которой не повезло оказаться на этом аукционе.

— *Двести пятьдесят тысяч единиц,* — отчётливо прозвучал негромкий голос. — *И моя личная благодарность каждому, кто не станет тратить время на дальнейший торг.*

Толпа замолчала.

В дальнем углу сидел невысокий человек с чётками в руках и внимательно вглядывался в глаза каждого, кто усталился на него. Его пальцы остановились, накручивая чётки на ладонь, и он сменил позу на более расслабленную.

— *У меня есть личный интерес в этой девочке,* — спокойно произнёс он. — *Позвольте мне её забрать.*

Несмотря на его учтивый тон, никому и в голову не пришло попытаться проявить ответную дерзость. Хасана Саппо знали даже собаки, никогда не покидавшие пустынных деревень. Он был не просто истинным радо, но и негласным хозяином аукциона. Хотя он не управлял им в буквальном смысле. У него не было права предварительного выкупа, он

даже не всегда знал, какой товар привозят. Но если нужно было решить конфликт или навести порядок, вопрос решался только через него. Он был архитектором Аллеи Пророков и гарантом того, что правила соблюдаются даже в таком диком месте, как Рамадия.

— Двести пятьдесят тысяч — раз! Двести пятьдесят тысяч — два! Двести пятьдесят тысяч — три! Продано уважаемому радо — Хасану Саппо, да хранят его здоровье и покой все боги и демоны океана песков.

Капсула вновь стала непроницаемой, и двое охранников потащили её за сцену. Хасан подскочил с ловкостью кошки и быстро проследовал через весь зал под тяжёлыми взглядами толпы. Он никогда не ходил с охраной. У него даже личной армии не было. Честно говоря, мало кто понимал, как он вообще делает то, что делает. Но люди бесследно исчезали всякий раз, как ему переходили дорогу или нарушался порядок. Самые суеверные даже считали, что он заключил сделку с демонами, чтобы обрести силу. Но большинство в это не верило. Многие сходились на том, что он просто умел скрывать свои дела лучше других. И всегда держал слово. Поэтому вместо договоров здесь можно было заплатить Хасану за то, что он примет обещания с двух сторон. Если обещание было нарушено, можно было сразу попрощаться с жизнью. Поэтому Хасан стал не просто арбитром, но и реальной вла-

стью в этом городе.

Капсула распахнулась, и девушка увидела невысокого мужчину, стоявшего перед ней. Он расслабленно всматривался в её глаза, совершенно не обращая внимания на почти обнажённое тело. Казалось, он видел что-то в глубине, слегка прищуриваясь и то и дело едва заметно подёргивая веком.

Он отстегнул маску, давая ей нормально дышать.

— *Твоё имя, дитя,*— учтиво и без угрозы произнёс он.

— *Эли,*— с опаской произнесла девушка.

Глава 3 - Хаос

- Анцель-

Анцель лежал, вглядываясь в лицо супруги, озарённое утренними лучами. Редкий момент, когда в такой час вся деревня позволяла себе отсыпаться. Никто не гремел инструментами, не смеялся на улице. Каждый наслаждался заслуженным отдыхом по завершении года. Малышка ворочалась во сне. Она всегда становилась буйной под утро. Сражалась с кем-то во снах, а потом рассказывала о чудовищах, которых она побеждала. Анцель думал об этом, и улыбка невольно натягивалась на лице. Как один человек может быть так счастлив? В такие моменты было страшно моргнуть, чтобы случайно не проснуться из этой удивительной грёзы.

Девочка толкнула маму во сне, и она инстинктивно закрыла её руками, прижимая к себе, создавая ощущение безопасности. Малышка успокоилась, даже не проснувшись. Супруга Анцеля медленно открыла глаза, расплываясь в блаженной улыбке.

— *Опять воюет...* — прошептала она.

— *Вся в мать.* — улыбнулся Анцель.

Она провела свободной рукой по его волосам, ощущая ту же незримую магию счастья, что милостью Бога нисходила на них уже который год. Даже урожаи за последние пять лет были обильнее, чем за прошлые десятилетия. Казалось, с появлением Эммы в их жизнь пришло нечто большее, чем просто желанное дитя.

Половицы у входной двери скрипнули.

Анцель вытянул голову, удивлённо глядя на дверь.

— *Кого там черти несут в такой час?*— прошептал он.

— *Может, Хаган опять хочет тебе показать свои новые идеи? Он вообще спать перестает, когда ему очередной план в голову приходит.*

— *Ей-богу, лучше бы Хаган пил. А так мало того, что сам не пьёт, не спит и не развлекается, так ещё и другим спать не даёт. Горе-изобретатель.*

Супруга погладила его по щеке и тихонько засмеялась.

— *Будь с ним помягче. Он прекрасный кузнец, нам повезло с ним. Просто увлекающийся.*

— *Может, всё-таки уйдёт,*— заговорщицки подмигнул Анцель. — *Глядишь, совесть проснётся в первый день нового года.*

В дверь осторожно постучали.

— *Нет,*— наморщил нос Анцель. — *Похоже, не в этом году всё-таки.*

Супруга резко схватила его за руку, не дав подняться.

— *Хаган никогда так осторожно не стучит,*— взволнованно сказала она. — *Он всегда лупит в двери, вообще не думая о том, заняты другие люди или нет. Мне почему-то тревожно, Анцель.*

— *Опять твои предчувствия. Ну кто ещё там может быть, кроме наших, Агнес?*

Он отмахнулся от её руки и начал нехотя одеваться.

— *Иду... иду! Надеюсь, оно того стоит...*— ворчал он, медленно шаркая к двери.

В дверь снова осторожно постучали.

— *Анцель!*— она приподнялась на подушке, кивнув головой в сторону ручного серпа, что висел прямо возле двери.

Он скривился от недоверия и снова махнул рукой, открывая дверь. На пороге стоял незнакомый ему человек в плаще. Его взгляд выражал такую глубокую усталость, что даже только что проснувшийся Анцель под этим взглядом ощутил неподъёмную тяжесть на плечах.

— *Найдётся ли в этом доме возможность передохнуть... для уставшего от долгой дороги путника?*

Анцель смотрел на него с удивлением. Он вообще не выглядел как местные селяне. Разрез его глаз слегка отличался, лицо было более смуглым, а черты выдавали чужестранца, о которых он никогда не слышал ранее. Но говорил он на чистом залийском, без малейшего акцента.

Анцель повернулся, чтобы посмотреть на жену, которая закутывала дочку в одеяло, прижимая ближе к себе.

— *Наша деревня всегда чтит законы гостеприимства,*— сказал Анцель. — *Я могу пока разместить тебя в амбаре. А если кто-то из наших решит пустить тебя в дом, тогда сможешь остаться подольше.*

— *Хм...*— опустил глаза путник. — *Я мог бы остаться и в амбаре. Мне нужно всего две ночи, и я уйду. Не хочу мешать жизни деревни. Я не доставлю проблем.*

Чужеземец мельком взглянул на Агнес, которая пристально смотрела на него из глубины дома.

— *Ну хорошо,*— кивнул Анцель. — *Дай мне минутку.*

Он прикрыл дверь, взял со стены нож и подвесил его под одеждой. Затем обернулся к супруге и, подмигнув, вышел на улицу.

Агнес инстинктивно сжала рубаху на груди, защемляя кожу. Она всегда так делала, когда ощущала опасность. Большая часть её предчувствий никогда не была слишком точной. Но каким-то образом она всегда знала, когда может случиться большая беда. Так она ощущала себя перед смертью бабушки, а затем и матери. Ей говорили, что это семейное, что их прабабка была такой же. Но от этого не становилось легче. Она чувствовала, что что-то не так, но не понимала, откуда ждать опасности.

— *А ты откуда к нам пришёл?*— постарался спокойно произнести Анцель. — *И куда вообще направляешься?*

— Я странствую. Не всегда знаю, как называются места, где я останавливаюсь. Просто ночую и ухожу, никому не доставляя проблем.

— А живёшь на что? Если ты не фермер, значит воин или торговец?

— Я странник. Дорога — мой дом. Я не привык долго жить рядом с людьми. Такой уж я.

Анцель остановился, пристально глядя на него.

— Если человек не сеет, не нанимается на работу и не торгует, то он либо вор, либо бежит от чего-то.

Чужеземец поджал губы в осторожной улыбке. Затем вытащил из своей сумки узкий слиток золота длиной с палец.

— Держи. За твоё беспокойство. Этого хватит, чтобы твоя семья могла продержаться полгода. Не сея, не нанимаясь в найм, не воруя.

Анцель ошарашенно смотрел на золото, которое прежде ему доводилось видеть лишь в виде редких крупниц, изредка продаваемых в городе. Даже для него, как для старосты деревни, это было настоящее состояние.

— Я... я не могу принять так много, — он смущённо протянул слиток обратно. — Я нарушу законы гостеприимства. Я не суеверный, но если мне однажды понадобится приют, я не хочу, чтобы судьба припомнила этот поступок и меня выгнали холодной ночью на улицу просто потому, что у меня не окажется денег.

— Хм... — задумчиво посмотрел на небо чужеземец. — Судьба даёт тебе дар, а ты отказываешься. Не боишься прогневить богов отказом от даров? Потом могут и не предложить вновь. Или того хуже — поставить в такие обстоятельства, что придётся умолять, но они уже не дадут так легко.

Анцель сморщился, как от кислой клюквы.

— Я не суеверный, я же говорю. Я верю, что добро возвращается, что нужно быть честным. Но в богов... ммм... нет. В богов я не верю. Не боги сеют и не они жмут. Не они кормят мою семью и защищают деревню. Люди. Всё делают люди. И если они порядочны по отношению друг к другу, то и вокруг порядок. А коли начинают каждый только о себе думать — жди беды. Поэтому я предпочту относиться к другим так, как хотел бы, чтобы относились ко мне. Даже если это потребует отказаться от таких больших денег.

Совесть дорожке.

— *Ну что ж... я уважаю твой выбор.*

Странник убрал слиток обратно и проследовал за ним в амбар.

— *Можешь разместиться тут. Вода — в колодце. Еду я тебе принесу в полдень. Но я попрошу тебя уважать мой дом и моё пространство. Кроме амбара никуда не заходи. Жена этого не оценит.*

Он молча кивнул в ответ и уселся на сено.

— *Скажи... а в демонов ты тоже не веришь?*— спросил странник.

Анцель обернулся, стоя в дверях, и с недоверием посмотрел на него.

— *Я думаю...*— неожиданно серьёзно начал он. — *Думаю, что нам всем нужно чего-то бояться, чтобы сохранить порядок. Не опуститься до животных. Поэтому мы и придумали чертей, демонов, богов. Они — как темнота во круг: держат нас ближе друг к другу, заставляют доверять только самим себе. Потому что люди нам понятны, а они*

— нет. Поэтому, наверное, все эти суеверия помогали людям выживать. С этой точки зрения они, может, и полезны. Но не более.

— Ты мыслишь как учёный, не как фермер. Почему ты живёшь так, как живёшь?

— Мне ничего не нужно, кроме моей семьи. Я счастлив быть на своём месте. Нет. Не нужна мне наука и жизнь в городе. Мне здесь хорошо. Меня Анцель зовут, кстати. А тебя как?

— Иво,— кивнул странник.

— Странное имя.

— Древнее. Народ позабыл его давным-давно. Означает «тот, кто живёт долгую жизнь».

— Хорошее значит имя, Иво. Отдыхай. Скоро подкрепись.

— Я не ем до захода солнца. Не утруждай себя. Мне достаточно воды и хлеба после заката. Я не стану для вашей семьи обузой.

— Ну... как скажешь.

Анцель вышел сбитый с толку. Ощущения от этого человека были противоречивыми. С ним хотелось говорить, расспрашивать его о странствиях, о том, что ему довелось увидеть. Он поймал себя на мысли, что в нём зародилось любопытство к тому большому миру, в котором все живут и о котором Анцель почти никогда не думает. Было забавно ощутить это противоречие, но он быстро смахнул его, вспомнив улыбку своей дочери и заботу жены. Вся вселенная с её тайнами меркла перед теплом и светом, что ждали его в этом простом, небольшом доме, который он построил своими руками. Всё это не имело никакого значения.

Жена встретила его на крыльце. Тревога в её глазах заставила его улыбнуться. Он облокотился на перила и с улыбкой сказал:

— Он чудаковатый немного. Но точно не вор и не разбойник. Золото мне предложил, можешь себе представить?

— Думаешь, он богат?— с недоверием спросила Агнес.

— Ну, судя по тому, как легко он был готов расстаться с целым слитком, я думаю, у него есть ещё.

— Если он может снять любой дом в этой деревне, зачем ему тогда наш амбар?

— Да я ж говорю... он немного чудаковатый. Спрашивал, верю ли я в богов и демонов, а потом сказал, что ест только после заката солнца. Не знаю... наверное, просто в его краях все такие. И, похоже, он не очень общительный, поэтому и бродит туда-сюда. Кто знает, может, у него горе какое случилось, и он просто бросил всё, распродал и теперь скитается, не находя покоя. Не выставят же его на улицу.

Агнес задумчиво приобняла его за плечи.

— У тебя доброе сердце. Всегда было. За это я и полюбила тебя, наверное. Но за ним надо приглядывать. Анцель, мне правда неспокойно. Я знаю, ты не веришь в такое, но, пожалуйста, будь внимательнее. Умоляю тебя. Ради меня и Эммы.

— Обещаю,— он крепко обнял Агнес, вдыхая аромат её густых волос.

— Анцель! Анцель!— к ним бежал бородатый здоровяк с пудовыми кулачищами.

— Помяни чёрта...— выругался себе под нос Анцель. —

Здарова, Хаган. Что опять стряслось?

— Я придумал. На этот раз точно получится.

Анцель, едва сдерживая улыбку, посмотрел на жену, и она предательски кивнула ему — идти с Хаганом. Он глубоко вздохнул и сделал шаг навстречу, чтобы не пустить его в дом.

— Пошли, пошли. Покажешь мне, что у тебя там получилось.

— Да всё получилось. Мы сможем орошать поля водой из реки — она сама будет течь, я только потоки перенаправлю. Я клянусь, в этот раз всё получится. Как тогда — не будет. Честно.

— Надеюсь, дружище, потому что ты затопил полдеревни, и они не потерпят этого дважды. Каким бы хорошим кузнецом ты ни был.

Он приобнял его за плечи и отправился вглубь деревни.

Агнес стояла на крыльце, пытаясь успокоить мечущееся в груди сердце. Желание защитить дочь, всё ещё спящую в их постели, мужа, свой дом, который она с таким трудом обрела... всё это проносилось в её разуме, заставляя дышать

всё быстрее и быстрее, пока она не сорвалась с места и не зашагала к амбару.

Она замедлила шаг, подходя к стене дома. Выпрямила спину, постаралась успокоиться, и осторожно прильнула к небольшой щели. Странник просто сидел на сене с закрытыми глазами. Агнес его поза показалась странной. Он сидел на плотно сбитом тюке, положив руки на колени, с прямой спиной. Но от него так и веяло чем-то царским. Как будто это и не амбар был вовсе. Она задумалась об этом на секунду, отвлёкшись на жучка, ползущего по стене, и кожей ощутила его взгляд. Он заметил её глаза. Она отпрянула и сразу же собралась внутри, чтобы не дать смущению взять над собой верх. Агнес уверенно шагнула к двери и вошла в помещение.

Она стояла на пороге, придерживая дверь полуоткрытой. Её уверенность дала сбой под его пристальным взглядом, но она решила не отступать.

— *Чего вы ищете здесь? Почему выбрали именно наш дом?*

— *Так совпало. Это была не моя воля. Просто судьба.*

— *Вы верите в судьбу?*

— Верю. Она не раз доказала мне своё существование. Я, можно сказать, её ученик.

— Как это? Как можно учиться у судьбы, она же не спрашивает ни о чём, просто проявляет план, который боги нам уготовили.

— Хм... план...— задумался странник. — План — это то, что люди хотят видеть в судьбе. Порядок, чью-то волю. Нам хочется мыслить с точки зрения логики, которой, как мы верим, руководствуются боги. Так мы оставляем себе шанс, что, возможно, на них можно повлиять. Убедить. Умилостивить. Но судьба — это хаос.

Агнес непонимающе посмотрела на него.

— Как судьба может быть хаосом? Это же порядок вещей, который разворачивается, хотим мы этого или нет. Разве нет? Может, мы не хотим его принимать порой, и тогда судьба нас тащит, но... это же всё равно нечто заданное заранее.

— Твой приход сюда — это порядок или хаос?

— Не поняла?!

— *Твоё решение войти в эту дверь было продиктовано порядком в твоей голове или хаосом в твоём сердце?*

Агнес изменилась в лице. Она ощутила себя обнажённой перед его пронизательным взглядом, и стало очень неприятно внутри.

— *Я хозяйка этого дома, — решительно сказала она. — Я должна понимать, кто у меня в гостях. Поэтому да... я решила проверить, кто у меня ночует.*

— *Что ж... тогда, наверное, ты и впрямь живёшь среди порядка, и для тебя судьбы никакой нет.*

Агнес сглотнула, ощущая, что ей не одурачить ни его, ни тем более себя.

— *Просто скажи, зачем ты здесь, и всё.*

— *Я долго шёл. Мне нужно пару дней отдохнуть, и я покину эту деревню. Ты никогда не увидишь меня вновь. Я не буду выходить из амбара. Я не съем больше нескольких кусков хлеба, и я не заговорю ни с твоей дочерью, ни с другими жителями деревни. Я не доставлю проблем.*

Агнес стояла как вкопанная. Как будто самый важный во-

прос так и не был задан. И без этого ответа она никак не могла уйти. Она попыталась сделать шаг наружу, но застыла на пороге, глядя на него боковым зрением.

— *Ты веришь в предчувствия? В то, что можно угадать, что будет?*

— *Нет. Невозможно угадать, что будет. Ты либо знаешь, либо нет. Гадает ум. Сердце знает наверняка.*

Агнес испуганно посмотрела на него.

— *Но как понять, что знает сердце? Если это просто предчувствие.*

— *Сердце — это книга, в которой уже написано всё, что произойдёт. Проблема в том, что ты пытаешься читать её своим умом. А они говорят на разных языках.*

— *Ты же сам сказал, что предназначение — это хаос. Как он может быть записан заранее?*

Незнакомец усмехнулся, пристально вглядываясь в неё.

— *Вселенная — это непрерывное изменение, она не статична. Это всегда точка возможностей. Бесконечный на-*

стоящий момент. Сердце ближе к этому моменту, чем ум. Вселенная — это непрерывный хаос возможностей. Как чувства. Ты же любишь свою дочь?

Агнес аж вытянулась по струнке, гордо вскидывая голову, словно ей нужно было прямо сейчас защищать семью.

— Конечно!

— Хм... — ухмыльнулся незнакомец. — Если бы я попросил тебя описать свою любовь... ты бы смогла выразить её целиком?

— Ну... нет, наверное. Но я смогла бы описать её как-то.

— Твоё описание — это как детский рисунок, пытающийся выразить нечто запредельно глубокое, как материнская любовь. Так же и чувство порядка, судьбы — это лишь концепция, пытающаяся сделать хаос понятным. Твои предчувствия — это ощущение того, что уже созрело к проявлению. Но как оно проявится, в каком масштабе, с какой силой, зависит от того, насколько ты хорошо читаешь книгу хаоса в своей душе. Судьба не однозначна. Ею можно управлять, скользя по мировым потокам.

— Но как это сделать?!

— *Я не учитель, а ты не ученица. Я не могу тебя научить.*

Странник замолчал и снова закрыл глаза. Агнес смущённо смотрела на него, не понимая, как продолжить этот разговор. Внутри всё перепуталось ещё сильнее, и она вышла, закрыв дверь. Что-то тянуло к этому человеку — желание узнать больше, разобраться в своих ощущениях. И было непонятно, чего бояться сильнее: грядущей опасности или его слов, говорящих о сокровенном.

Глава 4 - Напиток пустыни

- Сёстры -

Эли жадно вгрызалась в хорошо прожаренную куриную ногу, засовывая в набитый рот виноград и тут же запивая всё это вином. Она не могла понять, то ли это голод, то ли еда и правда здесь казалась настолько вкуснее, чем дома. Она ела так яростно, будто в любую секунду придётся сражаться за свою жизнь, и непонятно, когда появится возможность поесть снова. Хасан наблюдал со стороны, расслабленно сидя на подушках. У входа в шатёр стояло всего два охранника.

Она несколько раз покосилась на два ножа, лежащих на столе. Ум оценивал шансы на побег, пока тело проверяло границы возможного, растягивая рот и желудок.

— *Это не твоя последняя трапеза, девочка,* — слегка улыбнувшись, произнёс Хасан. — *Не спеши, это вредно.*

Эли уставилась на него с настолько набитыми щеками, что кусочки курицы торчали из её рта, подобно щупальцам какого-то чудовища. И она сама, перемазанная жиром, выглядела скорее как мифический зверёк, чем человек, которого только что освободили из плена. Хотя освободили ли?

Она задумалась лишь на секунду, а затем с силой гидравлического пресса начала размалывать еду, не желая пасовать перед тривиальными ограничениями вроде размеров щёк.

Хасан засмеялся и налил себе кружку с дымящимся чаем. Пока он наблюдал за тем, как ароматный напиток лился из богато украшенного чайника, Эли спрятала нож под одежду, которую ей любезно позволили надеть.

Несмотря на расслабленную атмосферу и уже почти набитый до предела живот, Эли не могла перестать думать. Этот мужчина, лежащий на подушках, внезапное хорошее отношение — было слишком очевидно, ради чего всё это делалось и что будет происходить с ней этой ночью, и внутри предательски заскреблось желание принять свою судьбу. Может, это было бы даже лучше... просто не подвергаться непрерывному унижению, насилию и жестокому обращению, которое она пережила, пока её везли сюда торговцы плотью. Может быть, он не такой уж и плохой человек. В конце концов, все эти животные, что торговались за её тело, враз притихли, когда он сделал свою ставку. Это мог бы быть её шанс — на передышку. Всего-то надо было разделить с ним своё тело... всего-то... Что-то внутри вспыхнуло вновь — желание скорее умереть, чем сдаться. Эли давно не ощущала такого раздрая внутри.

— *Как ты здесь оказалась?*

Эли подавилась вином, допивая последний бокал. В голове пронеслось сразу столько воспоминаний, что ей потребовалось несколько секунд, чтобы отдышаться и начать отвечать.

— *Захватили во время движения между станциями. Я обслуживала щиты. Мы переезжали во время ремонта, и они выскочили из ниоткуда. Перебили военных и взяли в плен четверых.*

— *Женщин?*

— *Нет. Трое ребят и я. Что стало с мальчиками, я не знаю. Меня накачали чем-то сразу, как связали, поэтому я даже не знаю, сколько времени провела в дороге до первой остановки.*

— *Хм... И почему же инженеры Доминии вышли с такой маленькой группой защиты обслуживать самое ценное, что у них есть, — «систему 2911»?*

Эли вытянула лицо. Этот человек знал о Доминии явно больше, чем мог бы знать обычный житель пустыни.

— Это был срочный ремонт. Нужно было заменить неисправный модуль. Счёт шёл на часы, и мы не могли ждать подкрепления. Мы решили просто действовать.

— Но ведь у вас тоннели между каждой станцией по всему периметру. Вам не нужно выходить наружу. Вы великолепно продумали свою систему защиты.

Эли сглотнула.

— Весь базовый ремонт осуществляется из тоннелей. Нам почти никогда не приходится менять внешние модули. Только если один из куполов выходит из строя и его нужно срочно обновить. Тогда его отключают, и мы стараемся успеть как можно быстрее.

— Почему не вывести войска, чтобы защитить критически важную точку в момент наивысшей уязвимости?

Эли постаралась выдержать его пронзительный взгляд.

— Потому что у Доминии нет уязвимостей. И на этой лжи держится вся наша безопасность. Не на куполах, не на наших опытных рейнджерах — на сказке о том, что мы неуязвимы и что любые попытки будут лишь тратой времени и драгоценных ресурсов. Иначе такую маленькую стра-

ну, как наша, давно бы захватили.

Она решила не играть с этим человеком. Он знал намного больше, чем демонстрировал, и лишь в качестве игры цедил известную ему информацию, чтобы проверить её.

— Хм... забавно... твоя история звучит для меня странно. Но я не ощущаю лжи. Как минимум ты абсолютно веришь в то, что говоришь.

— Потому что это правда. Вы явно знаете о нашей стране куда больше рядового варвара из внешних земель. Мне нет смысла вам врать. Моя жизнь в ваших руках, и проще сразу говорить как есть. Может, у меня что-то путается в голове из-за наркотика, на котором меня держали, но я не думаю, что мои воспоминания настолько исказились.

— Забавно. — Он вытянул губы трубочкой и издевательски улыбнулся. — А я думал, что твоя жизнь сейчас в твоих руках. И эти руки потирают нож, который ты спрятала за пояс. Похоже, я не вполне владею тобой, Эли. Хотя и заплатил за тебя немалые деньги. Немного несправедливо, ты не находишь?

— Вы знали, что покупаете, когда смотрели на меня. Вы знали, что делаете, когда положили этот нож передо мной.

Вы либо хотите показать, насколько легко готовы взять меня силой, либо просто любите играть со смертью. Может, у вас без этого не встаёт?

Хасан засмеялся, одобрительно покачивая головой.

— Иди сюда. Оставь своё вино, я угощу тебя настоящим напитком пустыни.

Эли встала из-за стола, ощущая, как вино начинает бить в голову. Она пошатнулась, хватаясь за нож.

— Вы что-то подмешали мне?!— она растерянно вытащила кинжал, прижимая его ближе к груди.

— Нет, девочка. Просто ты не умеешь пить.

Хасан спокойно сидел, глядя на её неуклюжие попытки сохранить самообладание. Она стояла посреди шатра, удерживая руки крест-накрест перед собой, выставя нож. Но от её загадочного хозяина не исходило никакой угрозы. Она не могла ощутить вообще никаких импульсов. То ли алкоголь сделал её настолько нечувствительной, то ли он и правда пока не собирался ничего с ней делать. Эли присела и на четвереньках подползла к лежащим напротив него подушкам. Она положила кинжал прямо возле коленей, гордо взгляды-

ваясь в лицо Хасана.

Он улыбнулся и протянул ей чашку с ароматным, дымящимся напитком. Запах был таким пряным и согревающим, что внутри возникло ощущение домашнего уюта, почти материнского тепла. Она даже забылась на мгновение, втягивая носом этот пленительный запах, и губы сами жадно прильнули к загадочному напитку.

Первый глоток ощущался как бархат, скользнувший по горлу, согревая тело до самого желудка. Второй — как шёлк, когда аромат начал раскрываться в уже согретом рту. Затем она ощутила тонкую игру пряностей, что заискрились в груди, и вот тогда ударил жар. Спустя минуту после первого глотка в груди разгорелся настоящий пожар. Эли никогда не ощущала такой остроты. Она не жгла язык и губы, не вызывала неприятной изжоги в животе. Это был жар, который вырывался из каждой поры кожи. Она выпучила глаза, её прошибло потом, и губы сами вытянулись в трубочку, вдыхая воздух, чтобы остудить разгоравшиеся внутренности.

Хасан захохотал так, что чуть не свалился с подушек, а затем демонстративно отпил несколько глотков и радостно причмокнул, демонстрируя полный контроль над напитком. Даже его лоб оставался сухим.

Эли не могла продемонстрировать такой же стойкости, но её опьянение улетучилось почти сразу, и ум начал работать кристально ясно. Она спонтанно улыбнулась, и тело начало хохотать — то ли от накопившегося стресса, то ли от силы напитка; она уже ничего не могла понять. Всё было настолько сюрреалистично и одновременно реально опасно, что находиться на этой грани было сродни психоделическому опыту, где ты уже не понимаешь, где начинается и заканчивается граница миров.

— *К нему привыкаешь,* — мягко улыбнулся Хасан. — *Истинный напиток пустыни.*

— *Зачем пить что-то настолько горячее, если тут и так жарко?*

— *Ну так если ты станешь жарче, чем сама пустыня, разве тебе не станет немного прохладнее в ней?*

Она наклонила голову от удивления, словно пытаясь осмыслить эту необычную мысль. Она казалась и логичной, и нелогичной одновременно.

Хасан снова засмеялся.

— *Зачем вы меня выкупили?! —* необычно серьёзным то-

ном спросила Эли.

— *А ты как думаешь?*

— *Вам, похоже, не нужна ни наложница, ни служанка. У вас мало охраны — значит, вы не боитесь ни врагов, ни тем более меня с ножом. И, видимо, вы меня выкупили не для того, чтобы было с кем попить чаю.*

Хасан улыбнулся.

— *Я ценю редкие вещи,* — сказал он, вглядываясь ей в глаза.

— *Я для вас просто вещь? Для забавы?*

— *Тебе нечем меня позабавить, девочка. Я видел в этой жизни такое, что лишило бы жизни десяток человек за одну секунду пережитого страха. Пустыня удивляла меня так, что сотня богачей отдала бы свои состояния ради одной секунды подобного опыта. У тебя нет ничего, чем ты способна меня удивить. Однако... ты выросла в месте, к которому я не имею доступа. У тебя нет знаний, которые я мог бы считать ценными сразу. Ты не офицер и не Архонт. Тебя даже пытать нет смысла, чтобы выведать секреты. Но тебя вырастили в их культуре. Ты — продукт их воспи-*

тания, их видения мира. И это ценно. Я хочу изучить то, как ты видишь мир. Это даст мне ответы на многие вопросы. Тебе даже не придётся предавать свою родину. Просто будь собой. Я пойму всё, что мне надо понять, а тебя никто не посмеет тронуть. Прекрасная сделка для той, кто угодила в рабство, ты не находишь?

— И что конкретно мне надо будет делать? Что это вообще значит — быть собой?

— Будешь мне помогать. Научишься кое-чему в процессе. Расслабишься, ощутив свою нужность, своё место, новую цель. Ощутишь, что я делаю тебя сильнее. Что я ценен для тебя своими знаниями. И тогда ты откроешься по-настоящему, дав мне то, что я хочу понять о твоей загадочной родине.

— И вы вот так просто мне это всё говорите?

— Да. Так просто.

Эли ощущала его полное превосходство над собой. И в то же время в нём было что-то притягательное — почти магическое ощущение тайны и глубины. Она могла поклясться, что сейчас ей и правда хочется у него чему-нибудь научиться. И это было не влияние вина. Ей захотелось понять, поче-

му он хочет разобраться в Доминии. Возможно, так она сумеет её защитить.

— *По рукам?*

Она осторожно вытянула ладонь. Он резко плюнул себе на руку и сжал её так, что заставил Эли подпрыгнуть от неожиданности. Затем засмеялся и вытер руку о штанину, оставив Эли смотреть на испачканные ладони в недоумении.

— *Ха-ха... варварские обычаи,* — подмигнул он. — *Привыкнешь.*

Она растерянно вытерла руки о штаны и снова посмотрела на нож. Хасан протянул ей вторую чашку.

— *Первый урок. Я не могу иметь дело с тем, кто не способен пить напиток пустыни.*

Эли сглотнула при виде дымящегося чая. От одного взгляда грудь и лицо вспыхнули жаром. Она несколько раз глубоко вздохнула и приняла чашку, с вызовом глядя ему в глаза.

Хасан одобрительно улыбался.

Глава 5 - Боль

- Ник -

Ник напевал что-то себе под нос. Он даже не мог вспомнить, где слышал эту мелодию, но она так легко отзывалась в голове, словно он слушал её целый день. Плечи сами стремились двигаться в такт мелодии, и он пару раз с трудом удержал себя, чтобы не станцевать прямо на лестничной площадке. Сегодня был отличный день, чтобы праздновать. Танцевать прямо на улице и вообще чувствовать жизнь так полно, как только возможно. Прекрасный день для него и малыша Санни. Ник засмеялся себе под нос, подумав о нём как о малыше.

Он пробежал четыре лестничных пролёта и уже поднимался на пятый, когда услышал знакомые звуки. Его улыбка и азарт мгновенно сменились тяжёлым грузом реальности, который вновь лёг на плечи, заставив позабыть о танцах. Из квартиры Санни раздавались крики его матери. Ник перешёл на шаг, и каждая ступенька, казалось, утяжеляла его ноги на несколько килограммов.

— Ну почему именно сегодня это должно было случиться?— подумал он. — Десять утра, а она уже напилась.

Ник встал перед дверью и упёрся руками в колени. Он зажмурил глаза и попытался сосредоточиться на дыхании, просто успокоиться, прежде чем войдёт в эту дверь, чтобы в очередной раз сделать невозможное — успокоить его мать посреди очередного запоя. Он выпрямился, сглотнул и толкнул, как всегда, незапертую дверь.

Серьёзность происходящего изменилась в одно мгновение, стоило ему увидеть Санни. Он стоял в слезах, пытаясь вразумить её, нёс что-то сквозь рыдания о том, что он её любит, что она не должна быть с ним настолько жестокой, что это несправедливо.

Ник видел его сквозь дверной проём. Его руки были сложены у груди, и казалось, он умоляет её успокоиться. Ник медленно шёл по коридору, наблюдая валяющиеся повсюду бутылки и несколько пакетиков с «Красной вуалью» — новым наркотиком, который разжигал в людях такую страсть, что он мгновенно заполонил улицы. Вот только если мешать его с алкоголем и не использовать сразу для секса, это зелье направляло страсть в самые тёмные уголки разума.

— Ты слабый кусок говна, который вывалился из меня, — кричала мать. — Ты вообще не должен был появиться. Я травила тебя таким количеством таблеток, а ты, сволочь, всё равно отожрался на моих соках. Мразь!

— Мам... пожалуйста... пожалуйста... успокойся... — рыдал Санни.

— Смотри, какой ты отожрался... урод... Высосал из меня всё... молодость... счастье... Да лучше бы ты сдох в той больнице. И кем ты стал... слабак... кому, нахрен, нужна твоя доброта... лучше бы выбивал долги из людей, приносил бабки в дом... ничего не можешь, скотина!

Она продолжала унижать его всё жёстче и жёстче. Ник подошёл к дверному проёму, и Санни заметил его боковым зрением. Он попытался осторожно покачать головой, не привлекая внимания матери. Он явно сигнализировал, чтобы Ник не входил. Мотал головой, глядя на него, затем начинал мотать сильнее, будто не хотел соглашаться с матерью, и снова смотрел прямо на неё.

— Говори свои последние слова, сучонок... Надо было сделать это много лет назад!

Эти слова, как молния, прорезали восприятие Ника. Мир в ту же секунду раскололся на «до» и «после»: он внезапно осознал, что происходит, и тело само сжалось, подобно пружине. Ник сделал шаг в помещение и увидел его мать. Она стояла в одной заплёванной майке, настолько растяну-

той, что, к счастью, она опускалась ниже бёдер. Белья на ней не было. Вся картина выглядела настолько омерзительно, что Ник, вероятно, даже не постеснялся бы скривиться — вот только дробовик в её руках не оставил ему ни секунды на проявление каких-либо эмоций.

Она повернула голову, и её перекосило дьявольской ухмылкой. Казалось, безумие окончательно затмило ей разум. Она снова перевела взгляд на Санни и постаралась прицелиться ему прямо в грудь. Ник рванул вперёд, не думая ни об оружии, ни о собственной безопасности, просто ринулся на неё с одним-единственным желанием — спасти. Санни попытался дёрнуться вперёд, выставить левую руку, пытаясь показать матери, что она не должна стрелять. Что ни он, ни Ник ей не угрожают, что всё будет хорошо. И она нажала спусковой крючок, позволив жуткой ухмылке перекосить её и без того искажённое алкоголем лицо.

Руку Санни начало разрывать от выпущенной пули. Каким-то образом разум Ника даже успел подумать об этом, видя происходящее боковым зрением. Похоже, патрон был усиленный, потому что бицепс Санни лопнул, как арбуз. В этот момент Ник уже набрал такой импульс и такую ярость, глядя на её перекошенное лицо, что врезался плечом ей прямо в грудь, снося её на балкон.

Следующая секунда не наступила. Время замедлилось. Потекло, как вязкий, упругий поток сквозь реальность. Ник вжался в перила, прижимая грудь изо всех сил. Он смотрел, как она падает вниз, расплываясь в ухмылке. Её глаза выражали такое безумие и какое-то экстатическое счастье, что Ника пробрал настоящий ужас. В этом было что-то дьявольское, настолько низкое и тяжёлое, что у Ника чуть не отнялись ноги.

Она пролетела пять этажей, разукрасив асфальт своими внутренностями. Ник поднял глаза, посмотрев на город. В этот момент его пугало лишь одно — обернуться к визжащему за спиной Санни. Нику показалось, что веки тяжелеют, словно он не спал уже несколько дней. Он с трудом поднялся и, всё ещё удерживаясь за перила, позволил себе посмотреть назад.

Санни стоял прямо, как солдат на плацу. Его рука свисала ошмётками, держась на нескольких жилах; кровь сочилась, но он без эмоций, с удивлением смотрел Нику в глаза. Голова то наклонялась набок, словно изучая его, то снова выпрямлялась и смотрела поверх него. Словно это и не он был вовсе.

— *Брат, ты как?*— выдавил из себя Ник.

Санни уставился на него с недоумением. Казалось, он не

узнаёт его.

— *У тебя шок, или что?!—* заорал Ник.

Губы Санни начали шевелиться, не издавая при этом ни звука. Ник заковылял к нему, желая поддержать, помочь, сделать хоть что-то, но, как только он прикоснулся к нему, Санни издал такой нечеловеческий визг, словно звуковая колонка превысила предел своих возможностей и засвистела, разрывая мембраны.

Ник в холодном поту вскочил на своей кровати, несколько раз махнув кулаками от страха. Комната оставалась пустой. Очередной кошмар.

Они не прекращались уже третий месяц. Ник взял со стола курительную трубку и запалил остатки травы. Дым мягко успокаивал. Это было единственное, что помогало ему прожить день. К сожалению, ночи он не контролировал. С тех пор как пропала Юми, в голове всё перепуталось. Его воспоминания, причём самые тяжёлые, начали прокручиваться в сознании, как трёхмерные фильмы, снова и снова, втягивая разум в непрерывное ощущение вины, скорби и страха. Наркотики слегка притупляли этот эффект. Они позволяли быть постоянно онемевшим внутри, не ощущать груза, который он нёс на себе.

Он докурил остатки, сполз с кровати в одних трусах и начал засыпать маленький чайник остатками травяного сбора, который Юми делала для себя. В эти мгновения он мог забыться даже больше, чем от курительных смесей. Цвет, которым сбор окрашивал вливающийся кипяток, и аромат, достигавший носа, наполняли его знакомыми чувствами, будто она всё ещё была рядом, могла появиться в любую секунду и просто обнять. Было так приятно утонуть в этой фантазии, погрузиться в единственное приятное воспоминание, которое у него ещё оставалось.

Ник обнял кружку с горячим чаем, стянул с кровати одеяло и завернулся так плотно, как только смог. Глаза были красными от плохого сна и постоянного курения. Он вдыхал аромат чая, думая о том, куда он пойдёт сегодня. За три месяца он обошёл все места и тайники, что ему были известны. Прошерстил весь её компьютер в поисках зацепок, но всё было без толку. Было очевидно, что её похитили. Возможно, уже убили. Но он не мог просто принять это. Ему нужно было знать наверняка. Нужно!

Эти размышления начали погружать его разум в очередное воспоминание о том, как он нашёл Юми после её инцидента. Ник залпом выпил кружку, судорожно снова хватая трубку. Наркотик действовал всё хуже и хуже. Кошмары за-

сасывали его разум уже даже наяву. Он забил её так плотно, как смог, и сделал самую глубокую затяжку, на которую только был способен. Задержал дыхание, зажмурил глаза, пытаюсь утопить в этом дыме все свои воспоминания, все кошмары, что копошились под кожей. А затем выдохнул, словно желая отпустить всю накопленную боль.

Но боль никуда не ушла. Лишь тело стало более вялым, а разум замедлился настолько, чтобы не успевать осознавать все те обрывки прошлого, что скользили сквозь сознание, то и дело рассекая его, подобно осколкам.

В комнату постучали.

Ник отупело смотрел в стену. Он даже не пытался скрыться от незваных гостей, не думал о том, чтобы сидеть тихо, будто его нет вовсе. Он просто плыл в онемении и безразличии настоящего момента, пытаюсь найти комфорт в отрицании реальности, пока сила веществ ещё могла ему в этом помочь.

Дверь распахнулась. Чёрт! Он опять забыл её закрыть. На пороге стоял отец, оценивающе глядя на окружавший Ника беспорядок. Он молча зашёл, сел на кровать и начал потирать ладони, явно готовя себя к серьёзному разговору.

— Она ведь умерла... так?— внезапно прохрипел Ник.

Винсент опустил голову, давая себе время, чтобы ответить.

— Мы не нашли её. Ни следов, ни тела. Камеры возле клуба тоже ничего не зафиксировали. Мы видели, что она дошла до дальней улицы, свернула — и потом всё. Я уже тебе миллион раз эту запись показывал. Город всё ещё был под осадой. Они контролировали большинство систем, а потом стёрли всё, когда уходили. Возможно, она попалась патрулю или бандам. Если бы она была жива, она бы уже дала сигнал. Если бы это были местные, они бы уже попросили выкуп — все знают, что она жила в моём клубе. Я боюсь, что её ликвидировали во время комендантского часа и просто кинули к остальным телам. В городе тогда был настоящий хаос.

Ник схватился за трубку, снова пытаясь прикурить. Винсент резко вlepил ему пощёчину, выбив трубку в дальний конец комнаты.

— При мне хотя бы этого не делай,— сквозь сжатые зубы процедил Винсент.

Ник устало пялился в стену, не желая продолжать разго-

вор.

— У меня к тебе предложение, — с волнением начал Винсент. — Давай ты уедешь? Давай... я помогу тебе обустроиться на новом месте, где всё не будет напоминать о прошлом. Хочешь — в Нексусе, хочешь — устрою тебе поездку хоть до самого Кадара. Ник! Я не стану учить тебя, как жить, ты сам решаешь, что с собой делать, но, пожалуйста, дай мне шанс помочь тебе. Ты сдохнешь здесь. Я не хочу найти тебя в собственной блевотине после передоза. Дай мне шанс всё исправить.

— Ты не виноват... отец. Это всё я... я проклят. Сначала мама, потом Санни, потом Юми похитили банды, а теперь она снова пропала... Я как чума... все возле меня сначала страдают, а потом гибнут.

Лицо Винсента дёрнулось от такого напряжения, что костяшки на его руках захрустели. Он молча встал и, пошатываясь, подошёл к двери.

— Если ты захочешь принять мою помощь... я всегда буду рядом, сын. Просто попроси.

Он вышел, аккуратно закрыв дверь.

Ник лёг на пол, чтобы дотянуться до трубки, и снова попытался её прикурить. Дым наполнил лёгкие. Он прикрыл глаза, желая раствориться в нём, но картины прошлого стояли за закрытыми веками, словно стражники. Как будто теперь ему вообще было не скрыться от тяжёлых воспоминаний. Он разочарованно открыл глаза, больше не понимая, где искать выход. Перед ним стояла Юми. В своём привычном шёлковом халатике, розовых трусах с нашитыми плюшевыми мишками и с дерзкой улыбкой на лице. Ник внезапно понял, что он сходит с ума. Его это даже не удивило.

— *Ты вернулась...* — обречённо прошептал он, глядя куда-то сквозь неё.

Она не ответила. Лишь встала на четвереньки, с любопытством заглядывая ему в глаза.

— *Ты же умерла... так?*

Она просто моргала с удивлением, всматриваясь в него.

Ник сделал ещё одну затяжку и выдохнул дым ей в лицо. Завихрения просачивались сквозь её голову, как через голограмму.

— *Так и знал... ты её дух. Ты пришла меня наказать за*

то, что я всех потерял.

Он зажмурил глаза.

— Тебя, маму, Санни... а сколько, наверное, тех, о ком я даже не думаю... Может, мне просто закончить это самому. Избавить отца от страданий.

Ник снова открыл глаза и увидел Санни с оторванной рукой, мать, покрытую такими гематомами, что она была похожа на живого мертвеца, и Юми с распухшим от ударов лицом. Все выглядели именно так, как он нашёл их в самые страшные моменты своей жизни. Они смотрели на него с любопытством.

— Я понял... вы просто ждёте меня...

Он открыл ящик. Вытащил оттуда пистолет и, улыбаясь во весь рот, приставил его к виску. Слёзы покатались по щекам. Губы затряслись, и он попытался в последний раз перед всеми извиниться.

— Простите меня... простите...

Ник коснулся спускового крючка, и избитая до полусмерти мать подскочила, ударив его ногой по локтю с такой силой,

что рука врезалась в стену, выронив оружие. Ник сжался от боли. Его голова прояснилась на мгновение, и он с недоумением посмотрел на эту троицу. Санни подошёл, хватая его оставшейся рукой за подбородок, и Ник ощутил теплоту его пальцев. Санни по-дружески провёл рукой по его щеке, а затем со всего размаху ударил в челюсть с такой силой, что сознание померкло на несколько мгновений, и он начал заваливаться на пол.

За секунду до того, как отключиться полностью, он увидел Юми. Она снова была цельной, красивой, сияющей. Смотрела на него без единой эмоции. Ник ударился головой об пол, опрокинул чайник и с радостью отпустил последние следы контроля.

Больше ничто не имело значения.

Глава 6 - Юми

- Ник -

— *Всё готово, Сияющая,* — поклонился Маккарти.

— *Сколько она провела там?* — Светоч ответила мягким женским голосом.

— *Сто дней, как вы и приказали. Ни света, ни звука, никаких контактов или допросов. С момента поимки она не имела никакого взаимодействия ни с кем. Полная сенсорная депривация.*

— *Спасибо, командующий. На этом всё. Я войду в комнату одна.*

Маккарти почтительно поклонился и вышел за дверь.

Светоч стояла в помещении, залитом мягким матовым светом. Она приглушила освещение до еле видимого и открыла дверь в камеру. Что-то зашуршало в глубине. Фигура человека проползла по мягкому полу в угол, забиваясь изо всех сил лицом в обивку, лишь бы не видеть слепящего сияния, исходявшего из дверного проёма.

Светоч вошла в комнату, оставив двери открытыми, и села, скрестив ноги, возле стены.

— Ты предприняла немалые усилия, чтобы остаться со мной наедине,— сказала Сияющая. — Правда... в прошлый раз я была не в теле. Теперь же у нас есть возможность побыть вдвоём осознанно.

Фигура в углу попыталась развернуться, прикрывая лицо руками. Свет всё ещё жёг глаза. Юми выглядела сейчас как животное, словно дитя-маугли, выросшее среди лесной подстилки. Она пригибалась, опираясь всеми четырьмя конечностями, крутила головой, будто хищник, полагавшийся скорее на слух, чем на зрение. Слова внезапного гостя резали уши не меньше, чем свет, казавшийся нестерпимо ярким.

Она рванула, преодолевая первые два метра на четвереньках, затем переходя на бег, лишь бы успеть добежать до двери быстрее, чем успеет среагировать это существо. Свет в проёме повысил свою яркость так резко, что её будто ударили в лицо световой волной. Она сжалась прямо на бегу, закрывая лицо руками, и врезалась головой в косяк, на минуту потеряв ориентацию.

Свет вновь снизился до минимума.

— Ты теперь в моём мире. Здесь тебе некуда бежать. Поэтому оставь свою импульсивность и поговори со мной. В конце концов, ты проделала такой путь ради моих секретов.

Юми перевернулась на живот, собрала под себя руки и ноги и сжалась, закрывая ушибленное лицо ладонями.

— Я хочу поблагодарить тебя, — продолжала Сияющая.
— Признаюсь, я не ожидала, что получу такое удовольствие от твоей маленькой революции. Я очень давно не получала такого... кхм... как вы там говорите — драйва? Да... пожалуй. Все чувства работали так ярко, эти люди... которые бежали на меня с такой ненавистью в глазах. И их лица... когда они умирали... это было таким настоящим, таким живым. Я не испытывала ничего подобного много десятилетий. Ты напомнила мне кое о чём важном. Спасибо тебе, Юми Амада.

Звук собственного имени как будто вернул ей толику человеческого облика. Она выглянула сквозь пальцы, слегка разворачивая голову. Глаза понемногу привыкали, и она смогла разглядеть Светоча, сидящего в дальнем углу.

— Что ты такое? — прохрипела Юми.

— Ты мне скажи. Ты же почти выпотрошила меня в прошлый раз. Нашла что-нибудь интересное?

— Только ваши грязные секреты.

— Нет. Чип — это не наш секрет. Для нас он не представляет такой уж большой ценности. Для своего хозяина... пожалуй, да. Те, кому ты передала это устройство, скорее всего, уже мертвы. Синдикат не славится милосердием.

Юми прослезилась. В голове мелькнул Ник и вся та недосказанность, которая осталась между ними.

— Ты ИИ?

— Нет. Мы перестали заигрывать с искусственной жизнью после Исхода. В эти игры предпочитает играть Синдикат. Но их попытки обречены. Мы это понимаем. Они — нет. Поэтому мы позволяем им играть, подпитывая ложные надежды. Я живая плоть, как и ты, Юми Амада.

— Бред. Я просветила тебя с ног до головы. Это просто конструкт, которым ты управляешь. Где ты? Сидишь где-то в шлеме? Запертая в шикарном особняке? Молясь пожить подольше? Трясёшься в страхе, что нечто может со-

кратить твою драгоценную жизнь?

— Кхм... думаю, ты сама знаешь, что никакого шлема нет. Ты же слышала слухи об Облачных Палатах. Или ты не веришь в них?

— Сервер для человеческих мозгов, который управляет Вечным городом? Я никогда не покупалась на эту байку. Это невозможно.

— Это неизбежно, Юми Амада. Это всегда было неизбежно. Стоит начать менять себя, возжелать более стабильной и долгой жизни, как неизбежно приходишь к выводу, что необходимо избавиться от биологической плоти. Душа не имеет срока, но плоть... да... она подвержена времени. И потому ты начинаешь урезать всё больше и больше, пока не останется минимальный субстрат, в котором душа может удерживаться. Который будет легко обслуживать, сохраняя дольше на этом свете.

— Хочешь сказать, ты и правда мозги в банке?

— Нет. Часть меня, конечно, находится в Облачной Палате, но это не я. Так же, как и этот аватар, не является мной. Я — нечто иное. Это начинаешь понимать только тогда, когда живёшь в разных телах. Но у всего есть цена.

За долгую жизнь я плачу пресностью. Аватар не способен передавать опыт так, как это делает тело. Кхм... если бы не аксонит в нашем мире, думаю, никто в Консорциуме не захотел бы продолжать свой вечный цикл.

— Мда... нами правят мозги в банке, медленно расходящиеся на плесень от скучной жизни, и всё, что их поддерживает, — это возможность впитывать чужие переживания через камни. Это звучит жалко. Даже разочаровывает.

— Это и правда разочаровывает. Однако не сразу. Никто не жалеет первые двадцать–тридцать лет. Потом... да... что-то меняется внутри. Нам тоже нужна эволюция. Трансформация. Иначе мы вымрем.

— Не тяните. Порадуйте всех нас при нашей жизни.

— О нет, Юми Амада. Ты не поняла. Ты хотела узнать наш секрет. Я могу сказать его тебе. Скоро мы заменим остатки плоти, и тогда обретём возможность не зависеть от сети, от аватаров, от времени. И вся полнота чувств снова будет доступна.

— Поздравляю... — устало сказала Юми и уткнулась обратно в ладони.

— *Рано. Поздравишь после того, как поможешь нам этого добиться.*

Юми от неожиданности подняла голову, прищулив глаза.

— *Я лучше сдохну, чем помогу кому-то вроде вас. Вы от меня не получите ничего! Слышишь?!*

— *Нам не требуется твой интеллект, Юми Амада. Только твой мозг. Ты не ценнее других жителей Нексуса. Но ты привлекла наше внимание. Я сочту это знаком судьбы.*

Светоч поднялась, включила свет на максимальную яркость, заставив Юми снова забиться в свой угол, и вышла, закрыв дверь.

Юми лежала на полу, свернувшись в клубочек. Слёзы потекли с новой силой. Ей как никогда не хватало Ника.

— *Проснись!* — прозвучал голос матери. — *Проснись!*

Ник вздрогнул, очнувшись на полу посреди полного хаоса. Комната Юми была перевёрнута вверх дном. Буквально всё, до чего могли дотянуться человеческие руки, было либо разбито, либо скомкано до неузнаваемости. Ник не помнил, как сделал это. Лишь пистолет у виска оставался единствен-

ным ярким воспоминанием в его мозгу. И мать.

Он зажмурил глаза, пытаясь разобраться в произошедшем, но за уставшими веками стояла непроницаемая чернота. Ник посмотрел на свои руки и ужаснулся. Запястья были покрыты синяками, словно от ударов. Тело ломило, и он обнаружил несколько гематом на рёбрах и ногах.

Глаза попытались найти курительную трубку. В этом хаосе было сложно сказать, уцелела ли она вообще, и он принялся ползать по комнате в поисках заветного избавления. Справа возник образ Санни, который с разбегу ударил его по рёбрам, пробив прямо через прижатый к телу локоть. Ник сжался от боли и перекатился на спину. Он тяжело задышал, глядя в потолок.

— Да что вы от меня хотите... — устало выдавил он.

Голова развернулась, и он увидел край трубки, торчащий из-под кровати. Ник попытался подползти, чтобы ухватиться за неё руками, но Юми с силой сдавила его запястье. Пальцы свело судорогой. Ник зажмурил глаза сильнее, не желая поддаваться этим галлюцинациям.

— Да дайте мне умереть... что вам от меня надо, всем?

Он сжался в позе эмбриона, натягивая простыню с кровати, чтобы ощутить хоть какую-то безопасность. Тело затрясло. И он ощутил лёгкие прикосновения на плече. Ник выглянул из своего импровизированного кокона и обнаружил сидящую рядом Юми. Она с любопытством смотрела на него, медленно стягивая с себя одежду.

— *Что... ты... делаешь?*— ошарашенно прошептал он, ощущая, как слёзы потекли по щекам.

Она стянула с него бельё и взобралась, глядя ему прямо в глаза. Чем больше она двигала телом, тем пристальнее становился взгляд, тем ярче Ник ощущал её тепло, упругость мышц и огонь жизни, который она всегда разжигала в нём. Призрачная надежда снова начала оттаивать в груди от её жара. Захотелось вновь поверить, что это была не галлюцинация... что, может, она всё-таки жива.

Юми начала двигаться ещё более интенсивно. Её голову закрутило в неистовом вращении... казалось, это был не оргазм, а нечто больше походившее на припадок. Всё её тело пробило судорогой, она закатила глаза и уставилась прямо в потолок. Затем начала двигаться ещё более яростно, прижав его запястья к полу.

Ник моргнул от пота попавшего ему в глаза и лицо Юми

переменилось на лицо матери. Она больше не выглядела избитой. Её глаза светились любовью и добротой, точь в точь как на той старой фотографии. Ник испытал отвращение к происходящему, попытался вырваться, но всё было бестолку. Она с такой силой удерживала его руки что он не мог пошевелиться. Лишь ощущал как всё внутри начало сопротивляться.

Она вlepила ему пощёчину. Затем ещё одну. Ник заорал, попытавшись её скинуть, и видения исчезли. Внутри возникла такая злость и отвращение к самому себе, что он зашвырнул трубкой в стену. Стало совершенно невыносимо оставаться в этой комнате. Он с трудом собрался, умыл болезненно похудевшее лицо и вывалился на второй этаж клуба. Свет и музыка неприятно ударили по всем органам чувств, и он, морщась и закутываясь поглубже в куртку, побрёл через танцпол, постоянно замечая боковым зрением три фигуры, скользившие сквозь толпу. Ник завернулся в воротник и устался прямо себе под ноги, стараясь не замечать больше вообще ничего, пока не понял, что вышел на улицу.

Стоило поднять глаза, ощутить широту уличного пространства и небо... как ноги подкосились от неожиданно-го головокружения. Он чуть не рухнул, схватившись за угол стены. Свежесть воздуха и высота зданий, уходящих вверх, пошатнули его маленький привычный мирок, сформировав-

шийся за несколько месяцев в этой комнате.

Ник глубоко продышался и без всякой цели побрёл по улице. Ему хотелось, чтобы до него докопался кто-то. Любая уличная шпана, что не узнает в нём наследника семьи Кросс. Кто угодно, достаточно дерзкий, чтобы забить насмерть и прекратить это медленное гниение, в котором он пребывал всё это время. Может, тогда эти духи не смогут ему помешать. Может, тогда он наконец обретёт покой.

Он двинулся подальше от центра, в сторону менее благополучных кварталов, демонстративно засунув кошелёк наполовину в грудной карман. Он шёл, вообще не обращая внимания на происходящее: всё было похоже на череду фотографий, которые сменялись одна за другой. Ник даже не ощущал, что идёт — казалось, он просто обнаруживает себя через разные промежутки времени на всё новых улицах, во всё более злых местах.

За спиной слышались шаги. Затем — ещё одни: минимум двое или трое двигались по пятам, держась на расстоянии десяти метров. Ник не оборачивался. Шёл, присматривая подходящую подворотню, чтобы создать для них уют безнаказанности.

Тело само резко свернуло в один из переулков — он даже

не успел этого осознать. Просто выполнил поворот под девяносто градусов на полном ходу, чем сам себя удивил.

Как только четверо парней зашли за угол следом, Ник потерял контроль над своим телом. Его будто отшвырнуло на заднее сиденье машины, за руль которой вторгалась иная сила. Ник с разбега ударил первого парня в колено, ломая ногу так жёстко, как это вообще было возможно. Другие даже не успели выругаться, а он уже начал вбивать им костяшки пальцев в кадык и выдавливать глаза. Жестокость, с которой он действовал, чёткость и отрешённость были совершенно невозможными. Он ощущал полное безразличие внутри, однако тело действовало яростно. При этом внутри этой ярости оставался покой и чёткая, почти компьютерная логика происходящего. Он понимал, что всё, что сейчас происходит, больше напоминает сцену в кино, продуманную до мелочей — до углов и градусов, с которыми он наносил удары. Он же при этом просто смотрел, и ему снова захотелось утонуть в самом себе. Уйти в небытие, отдавая собственное тело этой новой силе, что проявлялась через него.

Но ему снова не дали. Как только он попытался отпустить контроль, что-то хлестнуло его, и разум опять стал нестерпимо ярким. Ник сидел на земле, с руками по локоть в крови, окружённый четырьмя изуродованными трупами. Он снова был за главного в своей оболочке. Сейчас он уже не сомне-

вался. Его проклятие вышло на новый уровень. Теперь вокруг него буквально гибли люди без всякой видимой причины. И это проклятие, похоже, не давало ему причинить себе вред. Эта ирония показалась ему болезненно жестокой. Самой извращённой шуткой, какую он только мог себе представить.

Рядом снова появилась Юми, с любопытством всматриваясь в его лицо. Её руки были окровавлены по локоть, и она улыбалась, как будто сделала что-то хорошее и ждала одобрения.

— *Да что ты такое?*— выкрикнул Ник, выражая полное бессилие. — *Демон? Я проклят?!*

Юми смотрела на него, не зная, как реагировать. Её мимика была похожа на реакцию ребёнка, который пока не понимает, что от него требуют.

— *СКАЖИ ЖЕ ЧТО-НИБУДЬ!*

Юми на секунду будто задумалась. Посмотрела с недоумением в стену и словно попыталась впервые сказать нечто осознанно.

— *Й... йу... Й... ва... Ева. Ева! Ева!*— она засмеялась.

Ник смотрел на неё, ощущая странное дежавю. Как будто всё это уже происходило... или как будто он каким-то образом знал, что она такое, но сознание отказывалось подобрать нужные слова.

Усталость навалилась на него, и он почувствовал, что теряет сознание. Ник принял эту слабость как благословение, которое могло позволить ему ускользнуть из этой жестокой реальности. Из самого себя.

Глава 7 - Клятва

- Анцель-

Анцель смотрел на причудливые системы, которые соорудил Хаган, и, недоумевая, чесал голову. Ему так не хотелось обидеть этого искреннего и доброго человека, что он всячески пытался придумать более осторожную формулировку.

— *Ну... кхм... вообще интересно, конечно. Кхм... а на что я, собственно, смотрю, Хаган?*

— *Ну как...—* опешил Хаган. — *Это же трубки, по которым потечёт вода. Я уже попробовал, как можно зачерпнуть воду из реки с помощью вращения колеса и перенаправить её по ним. Вода самотёком пойдёт на наши поля и будет медленно расходиться, не создавая потопа. Идеально же, когда дождей нет.*

— *Хм... и сколько нам таких трубок понадобится?*— задумался Анцель.

Хаган схватил какие-то бумаги и, закусив губы, начал что-то прикидывать в уме.

— *Я думаю, тысячи две или три... плюс-минус. Ну и каж-*

дая длиной метра два, наверное.

Он довольно улыбался, понимая, что в этот раз всё точно получится.

Анцель смотрел на прототипы направляющих труб, сделанных из цельного дерева. Хаган всегда умел работать и с металлом, и с древесиной. Даже эта простая поделка выглядела настолько хорошо, что ей бы найти какое-то место внутри дома — чтобы украшала интерьер, а не в поля кидать.

— Хаган, а сколько времени у тебя ушло на одну трубку?

— Нууу... может, часа четыре.

— То есть даже если ты будешь работать почти весь день, ты сделаешь всего две трубки за день. Это значит, мне надо выделить тебе пятнадцать человек, сняв их со всех других дел, и только через три месяца всё будет готово.

— Эм... нет, ну я могу и один, конечно.

— Хаган, ты сколько лет этим будешь заниматься? А ковать кто будет?

Хаган нахмурился.

— *Дружище! У тебя настолько светлая голова, что ты, похоже, забываешь, где ты поселился. Мы же не в городе, где я могу дать тебе в распоряжение целую фабрику. План мне нравится, но пока что он требует таких ресурсов, что это плохо скажется на жизни деревни.*

Хаган плюхнулся на скамейку, как будто разом утратил всю свою богатырскую силу в ногах.

— *Друг, да не расстраивайся ты. Давай ты будешь делать одну трубку в день, а остальное время заниматься ковкой. Сделай ровно столько, чтобы показать свою идею на маленьком участке. Я всей деревне покажу, как это здорово работает, и уверен... вот просто зуб даю... кто-то сразу придёт тебе на помощь — у кого есть время. И так, глядишь, вся деревня втянется. Да что там... я сам тебя тогда публично поддержу. Что скажешь?*

Хаган заулыбался и закивал, как ребёнок, поджимая губы.

— *Ну вот и славно!—* Анцель с облегчением выдохнул.
— *Кстати, раз уж я здесь, ты нам ножи новые выковал? Ты говорил, что опять хочешь попробовать что-то новое.*

Хаган вскочил, разволновавшись не на шутку.

— Да! Конечно... сейчас, где они... подожди...

Он осмотрел пару полок, но они оказались пусты. Затем перевернул несколько плетёных горшков, но и там были лишь расходные материалы.

— А! Вот оно... — Хаган достал с верхней полки кожаный свёрток. — *Смотри!*

Он с гордостью развернул узелки и продемонстрировал Анцелю настоящее произведение искусства. Всю поверхность ножей покрывала причудливая вязь узоров. Они явно не были созданы ради эстетики — это был естественный рисунок металла, который каким-то образом проявился в его глубине.

— *Что это?* — с недоумением посмотрел на него Анцель.

— *Мой личный секрет. Я долго экспериментировал, прежде чем получилось. Крепость и острота в таком балансе, что они лучшие, чем все мои ножи вместе взятые. Даже дед такие не делал.*

— *Но как?!*

— *Секрет.*— Хаган подмигнул ему, давая понять, что у него тоже есть кое-что за пазухой.

— *Это... кхм... Хаган... этому место на лучшем рынке в столице. Ты озолотишься!*

— *Нет!*— твёрдо отрезал он. — *Только для своих! Пошли эти городские к чёрту.*

Анцель посмотрел на него так, будто открыл в нём совершенно новые грани. Ему даже показалось, что глаза увлажнились от чувства гордости за Хагана и за то единство, которого им всем удалось добиться среди своих. Он крепко пожал ему руку, одобрительно кивая головой. Хаган просиял от счастья и вернулся к своей привычной рутине, ощущая глубокую удовлетворённость. Анцель вышел, прижимая свёрток к груди и ноги сами понесли его сквозь деревню. Хотелось как можно скорее поделиться этим с Агнес.

Он распахнул дверь, скидывая сапоги, и, даже не посмотрев на неё, начал восторженно рассказывать.

— *Ты не поверишь, родная. Ты просто не поверишь...*

Он обернулся, лишь чтобы увидеть опухшее от слёз лицо. Она сидела возле кровати в совершенной растерянности. Он

выронил свёрток и кинулся к ней со всех ног. Эмма лежала, тяжело дыша сквозь булькающий хрип. Её лицо было синим, а глаза покрывала сеть из красных распухших капилляров. Это выглядело настолько ужасно и настолько серьёзно, что у Анцеля желудок прилип к позвоночнику.

— *Из-за чего?*— он постарался собрать всю свою волю и подавить эмоции. — *Что произошло?*

— *Не знаю...*— она разрыдалась. — *Мы убিরались, потом начали готовить, и она внезапно сказала, что у неё кружится голова, а потом за какие-то два часа она стала вот такой.* Анцель, я уже перепробовала все свои отвары, я не видела такого никогда. *Нам нужно в город!*

— *Посмотри на неё!*— прошептал Анцель, осознавая ускользающие мгновения.

— *Анцель, пожалуйста! Нам нужно в город!*

— *Да посмотри же на неё!*— выкрикнул он. — *Мы даже доехать не успеем.*

Её затрясло, взгляд стал безумным, и она заметалась в совершенно бесполезной суете, собирая вещи и говоря бессвязную чушь о том, как она попробует отнести её к травни-

це в соседнюю деревню.

Анцель стоял, ощущая растекающееся по венам бессилие. Каким бы ни был страх потерять ребёнка, он видел явные признаки того, что Эмма не переживёт эту ночь.

— *Попытайся ещё раз,* — как можно спокойнее произнёс он.

— *Что?!* — остановилась на мгновение Агнес.

Он взял её за руку и крепко сжал.

— *Давай ты попробуешь ещё раз.* — Он медленно и чётко проговаривал слова, стараясь вернуть её в реальность. — *Попробуй снова все свои травы, всё, чему тебя учила мать. Я помогу. Мы не отойдём от неё, пока она не поправится, но мы не успеем доехать до города. Мы должны попытаться здесь и сейчас.*

Он пристально смотрел ей в глаза, желая удержать её от того шторма, что бушевал у неё внутри. Направить её энергию в полезное русло. Занять чем-то, что дало бы хоть толику надежды.

Она выронила скомканные вещи и принялась кипятить

воду. Анцель присел рядом с дочкой, сменил холодную повязку на лбу и осторожно сжал её маленькую ручку. Она вся горела. Казалось, она даже не осознавала его присутствия.

Они оба не заметили, как наступил вечер в непрерывной череде отваров, припарок и протираний её медленно умирающего тела. Всё это было похоже на вязкое болото, что затягивает их неизбежностью того, что в итоге должно было случиться. Ей не становилось лучше, хотя их усилия и сдерживали угасание. Но каждый час, проведённый таким образом, словно высасывал жизнь и из них тоже. Когда зашло солнце, они оба были похожи на высушенные версии самих себя. Глаза впали от стресса, кожа утратила упругость, а лица казались серыми в ярком свете свечей.

Анцель посмотрел на супругу, уснувшую рядом с дочерью. Эмма пока казалась стабильной, но надежды это не прибавляло. Он устало взглянул на стол и вспомнил о госте в амбаре. Тело само начало подниматься, как сомнамбула. Ноги подкашивались, и он безразлично взял буханку хлеба, кусок сыра и кувшин со свежим чаем. Вышел из дома босиком, не различая окружения. Просто брёл под морозящим дождём по сырой земле, не чувствуя ни холода, ни мыслей — ничего.

Он распахнул двери и застал странника в той же позе, в какой оставил. Положил на соседний тюк еду и даже не ре-

шился заговорить с ним. Язык как будто онемел внутри. Сил не осталось.

— *Случилось что?*— произнёс Иво.

Анцель обернулся, глядя на него боковым зрением. Постоял в каком-то тупом безразличии, даже сам не понял сколько, и произнёс:

— *Дочка заболела... лечим. К утру поправится. Точно поправится.*

Его голос звучал настолько обречённо, что внутри ему захотелось засмеяться самым извращённым смехом, каким только возможно. Безумие всего происходящего, казалось, начинало сводить с ума и его тоже. Как весь этот удивительный мир мог схлопнуться в одно мгновение. Как рай мог превратиться в ад, так скоро... Анцель размышлял о несуществовании в этот момент. Было бы проще не жить вовсе, чем так страдать, не имея силы изменить неизбежное.

Он криво улыбнулся гостю и, кивнув, пошёл обратно к двери.

— *Я мог бы помочь ей,*— прошептал Иво.

Анцель медленно развернул голову, впервые прямо посмотрев ему в глаза.

— *Я мог бы вылечить её. Я очень хороший лекарь. Это то немногое, что я иногда делаю во время моих странствий.*

Анцель бросился к его ногам, падая на колени.

— *Я любые деньги отдам!*— он схватил его за руки. — *Ты... ты богат, я знаю, но я тебе всё могу отдать. Спаси Эмму! Спаси нашу девочку! Умоляю!*

Лицо Иво оставалось непроницаемым. В нём не ощущалось ни сострадания, ни жалости, ни даже желания быть полезным. Он вглядывался во что-то куда более глубокое — во что-то, что заинтересовало его в Анцеле в этот момент.

— *Я никогда не беру деньги за помощь другим. Но это будет не бесплатно.*

— *Что угодно!*— резко выпалил Анцель. — *Что угодно забирай. Хочешь — меня забирай в услужение, хочешь — отработаю как-то? Всё проси!*

— *Хм... пообещай мне, что выполнишь любую мою просьбу, если мне удастся спасти твою дочь. Я не господь Бог, я*

не всемогущ, но думаю, я мог бы попытаться.

— Я согласен. Пожалуйста, пойдём скорее. Нельзя терять времени, ей явно хуже. Она не переживёт эту ночь.

Странник встал со своего места, всё ещё удерживая руки Анцеля, умоляюще смотрящего на него снизу вверх.

— Поклянись, что выполнишь всё, что бы я ни попросил, и я сделаю всё, чтобы спасти её.

— Клянусь! Клянусь! Пошли... пожалуйста... скорее!

Иво резко зашагал к двери, оставив опешевшего Анцеля на земле. Тот подскочил, пытаясь его догнать, но несколько раз упал, подскользнувшись босыми ногами на уличной грязи. Протерев лицо, он успел увидеть Иво, заходящего в дом, и изо всех сил поспешил следом.

Открыв дверь, он обнаружил кричащую в припадке су-пругу.

— Не подходи!

Она стояла, выставив новый нож Хагана.

— *Не подходи к ней! Это всё ты! Это ты принёс несчастье в наш дом!*

Иво стоял посреди комнаты, в окружении мечущихся от свечей теней.

— *Агнес! Остановись! Он лекарь! Пожалуйста, успокойся!*

Анцель бросился к ней, не обращая внимания на оружие. Просто обнял её с разбегу, врезавшись всем телом. Прижал к стене, чтобы дать ощутить хоть какую-то опору. Она вцепилась в него, разрыдавшись так сильно, что казалось, её слёзы обижают ему кожу.

Иво сбросил плащ и расстегнул небольшую сумку, подходя к Эмме. Агнес попыталась вырваться, но Анцель изо всех сил прижимал её к стене, удерживая в объятиях.

— *Пожалуйста...— шептал он. — Пожалуйста, родная... пусть он попробует. Мы не справимся сами. Пожалуйста... родная...*

Она сдалась, ощущая полное бессилие, и просто обмякла в его руках, позволяя слабости и горю одержать верх.

Иво влил несколько пузырьков Эмме в рот и положил одну ладонь ей на лоб, вторую — на грудь. Анцель не видел, но глаза странника закрылись, а губы затанцевали, нащёптывая никому не слышные молитвы. Комнату наполняли лишь тихое всхлипывание Агнес и шорох одежд. Ощущение времени снова ускользало от Анцеля.

Эмма выгнулась, как от судороги, и её измученное тело забилось таким жутким кашлем, что казалось, она вот-вот выплюнет свои лёгкие. Из неё начала выходить зелёно-коричневая мокрота, затем её начало тошнить. Агнес бросилась к ребёнку, чтобы помочь ей не захлебнуться. Иво отошёл в сторону, наблюдая происходящее со стороны и всё ещё нащёптывая свои молитвы. Анцель смотрел на него, не отрывая взгляда. Внутри заскреблись сомнения. Был ли он спасителем или причиной. Или же Анцель просто хотел возложить на кого-то или на что-то вину за происходящее. Во всём этом было так сложно разобраться, что он просто бросился на помощь супруге, лишь бы не утонуть в этом мысленном болоте.

Эмме явно начало становиться лучше. Её тело стало яростно бороться с болезнью, и она жадно выпивала один укрепляющий отвар за другим, смогла даже проглотить несколько кусочков сыра и попросила её помыть. Мать хлопотала, улыбаясь сквозь слёзы, Анцель помогал, но по боль-

шей части всё больше отходил в сторону. Агнес прекрасно справлялась сама. Его же раздирала внутри одна-единственная мысль: чего захочет странник. Он огляделся и не обнаружил Иво в комнате. Он выбежал на крыльцо — и там его тоже не было. Анцель посмотрел на жену и дочь и обречённо побрёл в амбар.

Иво сидел на своём тюке, излучая прежнее спокойствие. Его выпрямленный позвоночник и гордая осанка создавали ощущение, будто Анцель пришёл не в амбар, а на аудиенцию к правителю. Он вошёл внутрь, сгорбленный от горя и усталости, желая сбросить тяжёлую ношу новообретённого долга. И просто плюхнулся на землю, поджимая под себя ноги. Сил совсем не осталось.

— *Спасибо тебе,*— устало произнёс Анцель. — *Ты её спас. Похоже, ей и правда лучше.*

— *Она будет жить,*— сказал Иво.

— *Что с ней было?*

— *Судьба.*

— *Что за судьба такая у маленькой девочки?*— возмутился Анцель. — *Она чистая и невинная. Она приносила*

только счастье все свои пять лет жизни. Не только нам — всей деревне. Что за судьба может так навредить этому ангелу?

— Не её судьба, Анцель. Твоя.

Анцель смотрел на него с перекошенным от удивления и страха лицом, не понимая, какой вопрос ему задать следующим. Весь этот разговор вдруг показался совершенно нереальным.

— Твоя судьба заставила её страдать. Твоя судьба заставила меня прийти. Всё это, — он развёл руками, показывая на окружающее пространство, — твоя судьба и твой Путь. Хочешь ты этого или нет.

— Но... я не понимаю. Я же не желаю зла своей девочке.

— Желаешь или нет, но вы связаны. И потому твоя судьба влияет и на неё тоже. Ты готов отдать свой долг?

— Чего ты попросишь?

— Ничего такого, чего ты не смог бы выполнить, чтобы сохранить свою честь.

Иво встал и начал снимать с себя одежду, раздеваясь по пояс. Анцель недоумевающе смотрел на происходящее.

Иво вытащил из сумки один из ножей Хагана и протянул его рукоятью вперёд.

— Убей меня, а затем сразу же вырежи моё сердце. У тебя будет всего несколько минут.

Глаза Анцеля полезли наружу.

— ЧТО?!

— Жизнь Эммы держится на силе твоей клятвы. Нарушишь её — и она умрёт.

Анцель остолбенел. Он переводил взгляд с рукояти на грудь Иво, пот потёк прямо в глаза, и сознание стало ощущаться совершенно ватным. Всё это походило на какой-то ночной кошмар, из которого не было выхода.

— Но почему? Почему ты просишь о таком после того, как спас мою дочь? Люди проклянут меня за это!

— Такова твоя судьба, Анцель. Я спас твою дочь, а ты спасёшь меня.

— *УБИВ В СОБСТВЕННОМ АМБАРЕ?!!! ТЫ РЕХНУЛ-СЯ!*

— *У тебя нет выбора. Либо я, либо Эмма. Выбирай.*

Анцеля затрясло. Он схватился за рукоять, и нож задрожал в его нетвёрдой руке. Иво подошёл ближе, опустился на колени и спокойно сжал его ладони вокруг ножа, медленно подводя остриё к своей груди, пока кончик не проколол кожу. Маленькая струйка крови просочилась наружу, заставив Анцеля отпрянуть и отползти к двери.

— *Нет... нет... я не могу. Я никогда никого не убивал. Я... фермер. Просто фермер... пожалуйста, попроси другого... пож... пожалуйста.*

Иво стоял на коленях, раскрывая руки в широком жесте, словно хотел обнять весь мир.

— *Анцель... это — неизбежность. Истинный хаос. И ты — мой ключ к тому, чтобы упорядочить его, — он засмеялся. — Если ты выйдешь за этот порог, не выполнив своего слова, жизнь Эммы прервётся в тот же миг. Решай.*

Анцель судорожно обернулся, увидев, что его нога оста-

новилась в полуметре от дверного проёма. Глаза уставились на перспективу улицы и серебрящуюся грязь, покрытую сотнями маленьких луж, подсвеченных лунным светом. Затем он посмотрел на своего гостя, который, словно приглашая, держал руки распростёртыми.

Слёзы потекли по щекам, наполняя нутро ощущением неизбежности, невозможности и абсолютной уверенности в том, что сейчас произойдёт. Лицо перекосило, и он заорал изо всех сил, в отчаянии бросаясь вперёд, набирая скорость, чтобы не успеть передумать, не иметь сил остановиться. Он выставил нож перед собой, сжимая его обеими руками, и вонзил его в шею улыбающемуся гостю. Кровь брызнула, щедро орошая его руки и лицо.

От ощущения крови на губах он совершенно потерял контроль. Анцель вырвал нож из глотки, замешкался на мгновение, глядя в обезумевшие от счастья глаза Иво, и начал изо всех сил втыкать остриё под рёбра, небрежно вырезая себе путь ко всё ещё бьющемуся сердцу.

Спустя минуту Анцель сидел весь в крови, сжимая в руках небольшой сгусток плоти. Иво умер, навечно уставившись в потолок с перекошенной улыбкой на лице.

Анцель словно онемел внутри от произошедшего. Он за-

валился на спину рядом с трупом и тоже уставился в потолок. Внутри установилась какая-то запредельная тишина. Казалось, даже звуки ночи перестали достигать его слуха. Весь мир как будто замер в этом мгновении. Лишь мягкое шуршание, подобное мерно текущему песку, нарушало монолитное безмолвие.

Звук исходил из трупа, нарастая всё сильнее и сильнее, пока Анцель не заметил изменения боковым зрением. Тело начало усыхать, истлевая буквально на глазах. Кожа обращалась в прах, осыпаясь внутрь тела, пока не остались лишь волосы, одежда и ногти. Сердце, всё ещё находившееся в руке, каким-то образом осталось нетленным. Анцель дёрнулся в ужасе к ближайшему тюку сена и вжался спиной, не понимая, что за чертовщина происходит вокруг.

Воздух завыл так, словно начинался ураган. Причём прямо в его амбаре. Частицы сена, земли и всего, что было вокруг, начали кружиться в пространстве, уплотняясь сначала в вихри, затем сжимаясь во всё более плотный шар, всасывающий материю отовсюду. Масса становилась всё больше, оседая на землю подобно кокону, который словно врастал в пол. Когда всё было кончено, в сгустившейся дымке Анцель увидел Иво — стоящего обнажённым посреди всё ещё плотного воздуха. Он смотрел на него с триумфом победителя, излучая царственность, какую Анцель никогда не ощущал в

присутствии другого человека.

Иво глубоко вздохнул, явно наслаждаясь моментом.

— *Последний штрих, Анцель. И ты завершишь эту картину...* — загадочно произнёс он.

Затем схватил собственное сердце и нож и выбежал за двери с таким дьявольским хохотом, что у Анцеля всё похолодело внутри. Он рванул за ним, ударившись ногой о порог. С трудом удержавшись, он заковылял на одной ноге, преодолевая боль и смятение от происходящего. Он вообще перестал понимать, что происходит. Просто прыгал изо всех сил, в отчаянном желании добраться до семьи, понять, найти выход.

Он толкнул дверь, запрыгивая в комнату, и обнаружил Иво, стоящего с ног до головы в крови. Жена и дочь были изрезаны самым жестоким образом, какой только можно себе представить. На них просто не было живого места. Десятки ударов — шея, лицо, грудь, живот; они были выпотрошены этим животным, которое стояло и смотрело прямо ему в глаза.

Иво демонстративно вытянул своё сердце и пронзил его ножом. Оно мгновенно рассыпалось в прах. Затем он бросил

под ноги Анцеля тот же нож и снова встал на колени, блаженно закрывая глаза.

— *Из благодарности убит... и сердца вырванного трепет... — шептал Иво. — Клинком прервётся в тот же миг... рукой хозяина... навеки...*

Анцель заорал, срываясь в истерику. Безумие заполняло его, выжигая внутренности, разрушая изнутри. Он выл, как дикий зверь, опустившись на колени и поднимая проклятый нож. Его глаза взглянули на чужеземца с такой ненавистью, какой никогда не знало его доброе сердце.

— *... И тот, кто сердце подарив... исполнил древнее преданье... тот в ярость обратит порыв... освободив меня от дани.*

Иво посмотрел ему прямо в глаза, смыв последние эмоции с лица. Анцель рванул вперёд, вбивая нож в глотку удар за ударом. Он бил в глаза, в живот, в грудь. Тело просто вколачивало крепкую сталь в этот кусок мяса, пока нож не выскользнул из-за накопившейся крови.

Анцель сквозь слёзы и утробный рёв тяжело дышал, глядя на обезображенный труп гостя. Голова отказывалась повернуться, чтобы посмотреть на жену и дочь. Он просто та-

рашился вниз, на тело этого безумца, и ощущал, как туман медленно заполняет голову.

Труп Иво вновь начал осыпаться. Через мгновение не осталось ничего — даже волос и ногтей. За спиной слышались чьи-то шаги.

— *Прискорбно...* — прозвучал голос. — *Проклятый император всё-таки меня перехитрил. Хах! Великолепная игра... нашёл-таки способ воплотить договор.*

Анцель с трудом обернулся. Перед ним стоял человек, замотанный в чёрные шёлковые ленты, словно его спеленали. Но ткани были так подогнаны к телу, что одежда даже показалась удобной на вид.

— *Позволь мне представиться тебе,* — хищно улыбнулся он. — *Я Ткач.*

Он коснулся его лба, и Анцель тут же потерял сознание. Следующее, что смог воспринять его разум, были крики. Такие жуткие крики, каких он, наверное, не слышал никогда в своей жизни. Он разлепил уставшие глаза и с трудом приподнялся. В помещении стоял Хаган и не меньше шести деревенских жителей. Их лица были белые, как простыня, и они смотрели на него с таким выражением, что Анцель рас-

терялся.

Он сидел с ножом в руках рядом с изуродованными телами своей семьи. Ни Иво, ни таинственного незнакомца поблизости не было.

Хаган в два прыжка сократил дистанцию и нанёс ему такой удар своим пудовым кулаком, что сознание вылетело из тела в блаженное небытие.

Анцель успел пожелать лишь об одном — никогда больше не просыпаться снова.

Глава 8 - Вера

- *Пророк Зоны-*

Джейк сидел на кровати, уставившись в пол. Закутываясь в одеяло, он задумчиво

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.